

28 ноября (11 декабря)

Преподобномученик
Викентий (Никольский)

Преподобномученик Викентий родился в 1888 году в городе Санкт-Петербурге и в крещении был наречен Виктором. Его дед был священником в бедном сельском приходе, но отец его, Александр Петрович Никольский, окончив Духовную семинарию, вышел из духовного сословия и, поступив на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, служил впоследствии в Министерстве финансов. Мать его была дочерью помещика Феодосия Никифоровича Северьянова, владельца имения в Новосильском уезде Тульской губернии¹. Александр Петрович был доволен своей жизнью, он получил уважаемое положение в обществе и был материально вполне обеспечен, так что к концу жизни мог бы вполне сказать вместе с евангельским богачом: Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись². Два сына Александра Петровича были вполне материально устроены и служили в том же министерстве, где служил он. И потому он был противником того, чтобы третий его сын, Виктор, уходил в монастырь, помня, может быть, о нищете и бедности в своем детстве, связанными в его воспоминаниях с общим тогда плачевным положением духовного сословия. После большевистского переворота Александр Петрович потерял все свои средства и поселился в городе Кашире Московской губернии. Потерпев крах в своих ложных упованиях, он писал сыну: «Отец Викентий, как ты был прав. О, как бы я хотел изменить свою прожитую жизнь. Как бы я хотел с юности теперь принять путь твоей жизни. Я умираю и вижу свой гроб. Плачу, недостойный раб Христов...» Александр Петрович скончался в 1921 году в Кашире, а его супруга – в 1922-м.

Виктор поступил в Оптину пустынь в Калужской губернии в 1913 году и его послушанием стала, как человека грамотного и образованного, работа в канцелярии. После 1918 года среди начавшегося уже угара безбожной злобы, когда всякий церковный шаг ко спасению сулил исповедничество, он был пострижен в монашество с именем Викентий. Настоятель монастыря предложил ему принять священный сан, но монах Викентий ответил, что за послушание он, может быть, и принял бы сан, но если бы спросили его пожелания, то он бы хотел остаться монахом. Желаящему подвизаться в монашестве это куда более сподручно, нежели священнику-иноку, несущему тяготу и общественного служения.

После того, как монастырь был закрыт, духовник обители, иеросхимонах Нектарий, был выселен из нее, поручив монаха Викентия приходскому священнику в Козельске. «Трудно сказать, что делал этот монах. Одно скажу только, – писал впоследствии этот священник о подвижнике, – что сейчас я плачу, вспоминая прошлое. Знаю, что я не всегда умел хранить этот тонкий художественный сосуд Божией благодати. За два с половиной года жизни у нас он ни разу не был по моему желанию за оградой нашей церкви. Он ни разу не сел за стол за трапезу. Он ни с кем не беседовал ради интереса своего. Он никому не

¹ Ныне Новосильский район Орловской области.

² Лк. 12, 19.

навязывал своего учительства. И в то же время все чувствовали в нем Божию силу».

Монахиня Амвросия (Оберучева) вспоминала о монахе Викентии, о том периоде, когда Оптиная Пустынь была закрыта, и братия жили на квартирах в Козельске. «Он вел жизнь весьма аскетическую, вполне монашескую, ни на кого не смотрел... смиренно нес крайнюю нищету».

Навестив ее во время тяжелой болезни, он принес ей рукопись схиархимандрита Агапита (Беловидова), составленную тем по благословению старца Варсонофия и заключающую в себе краткие жития всех похороненных на скитском кладбище, где хотя бы несколькими словами были выражены главные черты подвижнической жизни того или иного инока. «Нельзя было выбрать более подходящего чтения для меня, – вспоминала она, – находящейся на пороге смерти. Как я была благодарна ему за эту рукопись! Благодарю Господа, что Он, Милосердный, вложил ему эту мысль!

Ходил отец Викентий на хутор к батюшке Нектарию... И так как не вполне надеялся, что его там примут, то он написал несколько кратких вопросов, оставил место для ответов, передал это батюшке Нектарию и получил собственноручные ответы. Эту записочку он приносил мне читать».

18 августа 1930 года в городе Козельске были арестованы сорок человек монахов и мирян и среди них монах Викентий. По-подвижнически открытый и к своим и к чужим, направляя все движения сердца горе, он, как прозрачное стекло, не имеющее какого-либо пятна или порока, так впоследствии изложил путь своей жизни:

«...Отец мой был сыном бедного сельского священника, но вышел из духовного звания, окончил после Духовной семинарии университет по юридическому факультету и служил в Петербурге чиновником по ведомству Министерства финансов. После моего рождения мать моя болела, не могла выкормить меня своей грудью; выкормили меня кое-как козьим молоком, но должно быть от этого вышел я болезненным и слабым ребенком и в детстве часто болел. Десять лет от роду поступил в гимназию, которую и окончил со средними баллами. Потом хотел поступить на военную службу вольноопределяющимся, но меня забраковали по хроническому болезненному моему состоянию. Тогда пожил я некоторое время дома у родителей. Как хронически больной не интересовался я ни политикой, ни обычными житейскими делами, пробудилось во мне влечение к духовной жизни, и двадцати пяти лет от роду, в начале мая 1913 года, ушел я в монастырь – общежительную Оптину пустынь, близ города Козельска Калужской губернии, которая славилась своею строгою монашескою жизнью. Там я нашел свое призвание и, живя в Оптиной Пустыни, был всегда очень доволен, что бросил все мирское и пошел в монастырь.

Прожил я в том монастыре до его окончательной ликвидации в 1923 году. После этого в числе тридцати монахов и послушников, оставленных для obsługi Оптинского музея Наркомпроса, служил я с год на советской службе при этом музее, пока меня вместе с другими пятнадцатью служащими из монашествующих не сократили. Будучи уволен с этой службы летом 1924 года, прямо из Оптиной пустыни поехал я в город Ромны на Украине (по хроническому болезненному моему состоянию хотелось мне пожить в более теплом климате) и там определился вторым сторожем при одной тамошней церкви. Служил при ней два года, пока она не была закрыта. По закрытии этой церкви прожил еще с год в Ромнах, рассчитывая опять найти себе там или где-нибудь поблизости

подходящее мне место церковного сторожа. Но как-то был призван в это время (насколько помню, в августе 1927 года) местными органами ОГПУ, и мне было объявлено, чтобы я немедленно выехал из Ромен в город Козельск, откуда я приехал. Я немедленно исполнил это приказание и с тех пор до самого ареста, 18 августа 1930 года, проживал в городе Козельске. Жил там очень бедно, пользуясь помощью родных и знакомых, особенно из братства монастыря, в котором прежде жил. Многие из них, по ликвидации монастыря, остались жить в городе Козельске, от которого монастырь был верстах в трех, и зарабатывали там себе пропитание кто поденной работой (чернорабочие), кто каким-нибудь своим мастерством (слесарь, сапожник, портной, столяр, плотник); от заработанного поделались кое-кто из них и со мной.

Жили мы, монашествующие, в городе Козельске без всякой организации, но знакомство между нами сохранялось, и мы виделись друг с другом в местной приходской церкви. Сохранение знакомства между нами и помощь имевших возможность что-нибудь заработать своим трудом другим, таким, как я, инвалидам или хроническим больным, не способным к тяжелому труду и не знающим никакого мастерства, – это верно и послужило поводом обвинить нас в сохранении между нами монашеской организации. Поэтому, верно, и было предъявлено обвинение по 58 статье пункты 10, 11 Уголовного кодекса сразу более десяти человекам из нашего прежнего монастырского братства...»

Первоначально всех арестованных заключили в тюрьму в Сухиничах. Монахиня Амвросия вспоминала об этом времени: «Наши окна с решетками выходили на юг. Погода стояла теплая, и у нас было душно. Отверстие в двери (волчок) мы открывали всегда, когда знали, что пойдут из камер: в это время мы надеялись увидеть своих батюшек... Быстро можно было кое-что и спросить. Помню, отец Викентий, в утешение мне, бросил записочку: несколько выписок – слова подвижников XIX века.

Здесь нельзя было читать правило: много посторонних людей; можно было только по четкам читать Иисусову молитву, и потому я просила отца Викентия написать мне число молитв за разные правила. И в следующий раз он передал мне записочку с ответом.

Кто-то сказал, что отец Викентий и отец Макарий по своему желанию поместились под нарами».

На допросе, отвечая на вопросы следователя, монах Викентий сказал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, о существовании монашеской контрреволюционной группы в городе Козельске мне ничего неизвестно, и лично я в означенной группе не состоял, агитации, направленной против советской власти, не вел, также не ведал о наличии состава никакой контрреволюционной группы. Правда, в 1929 году я по предложению благочинного города Козельска протоиерея Бриллиантова составлял список монахов, мне известных по месту жительства в городе Козельске. Зачем этот список был необходим Бриллиантову, мне хорошо не известно».

27 ноября 1930 года тройка ОГПУ приговорила монаха Викентия к пяти годам заключения в концлагерь, и он был вместе с другими арестованными переведен в тюрьму в Смоленске, откуда этапы распределялись по лагерям. 31 декабря 1930 года он был отправлен в Вишерские лагеря в город Соликамск Пермской области. Этап проходил через Пермь, и здесь монах Викентий пробыл в тюрьме пять месяцев, а затем был направлен в Соликамск.

Состояние его здоровья было в то время крайне тяжелым, медицинская

комиссия нашла у него туберкулез легких в открытой форме, отчего он испытывал большую слабость и не был способен к работе. 26 апреля 1931 года Центральная Комиссия ОГПУ по разгрузке Вишерских исправительно-трудовых лагерей от инвалидов, стариков и тяжело больных постановила освободить его и выслать на оставшийся срок на Урал, и он был отправлен сначала в село Кудымкар, а затем в деревню Дубровка Пермской области.

Оттуда он писал знакомой в Козельск: «Христос воскрес! Достоуважаемая, дорогая о Господе матушка Евфросиния. Почтительнейше кланяюсь Вам и шлю свой искреннейший сердечный привет. Вчера получил Вашу открытку... Вижу из нее, что мое к Вам письмо большое и подробное, посланное, помнится, в конце второй седмицы Великого поста, очевидно, пропало и до Вас не дошло. В том письме я горячо благодарил Вас за посылку, полученную мною в Неделю Православия, которую отец Евфросин отправил по Вашей просьбе из Белёва, и за Ваше обстоятельнейшее и интересное закрытое письмо, тоже исправно мною полученное (как и посылка дошла в самом лучшем виде). Затем описывал подробно свои обстоятельства: как приказом начальства Промысл Божий перевел меня на жительство в деревню Дубровку Юрлинского сельсовета, как хорошо устроился я там... на одной квартире вместе с отцом Аифалом³, как я доволен этим и всеми своими новыми обстоятельствами, кроме частенько доходящих до голодания, скудости питания,.. так доволен таким промыслительным осуществлением моих давних мечтаний о совместном житии здесь с родным отцом Аифалом, что и уехать из здешних краев всякая охота отпала, теперь хоть бы и стало отпускать начальство на поруки или хоть и совсем вчистую. Да, только сильно голодновато теперь в наших краях и всем почти кругом, и нам с отцом Аифалом в особенности, как неспособным ничего зарабатывать слабым инвалидам, да еще не мастеровым, а то живи себе здесь да живи: так все здесь теперь по вкусу мне и по душе Промысл Божий мне устроил в отношении житья-бытья. Пустынная страна... лесистая, но и с открытыми местами с преобладанием везде любимых мною веселых березок и всегда зеленых елочек,.. живописно холмистая, с открывающимися с горок прекрасными широкими горизонтами,.. отдаленная от железной дороги и парохода и всякой современной цивилизации... Ведь это все то, о чем я мечтал, когда подумывал, где бы теперь устроиться жить, после того, как жить в родной Оптине стало невозможно, и не только в самой Оптине, но даже близ нее стало натянуто жить. И вот я о чем мечтал, Господь своими судьбами как раз-то мне теперь и дал. Чего же мне еще надо! Кроме голодноватости, я всеми своими теперешними обстоятельствами кажется совершенно теперь доволен... что решительно никуда меня отсюда не тянет. Готов жить тут и жить при таких условиях, сколько проживется. Слава Богу! Слава Богу! И слава Богу!.. так хорошо меня устроившему, только и остается мне всегда благодарно повторять. А голодание... ведь и за это, как и за все, надо Господа благодарить во славу: "слава Богу за все" великого святого Иоанна Златоуста ...Ведь говорилось нам, что "предлежит нам алкати". Это тоже значит настоящая, правильная, наша дорога. Приходится голодать, но с искушением творит Господь тут же вскоре и избытие... многое множество раз... то так, то так, чтоб наша немощь могла понести. А ведь надо же, чтобы и терпению место было. Потерпеть голодность немножко, а там и опять Господь пришлет чего-либо покушать. А совсем Господь до сих пор не оставлял и не оставляет меня своею милостью.

³ Оптинский иеромонах Аифал (Панаев; † 1936).

А если даже и придется с голоду мне помереть, если даже и это попустит мне Господь потерпеть – и на это никак нельзя мне роптать. Всегда я был чревоугодником, как и теперь им остаюсь – должен в этом сознаваться и каяться, а за постоянное и всегдашнее чревоугодие разве не справедливо, хоть и голодную смертью быть наказану? По-моему, вполне и вполне это справедливо. Вот и приходится и на это быть готовым, чтоб умереть, т. е. голодной смертью – ожидать, что и эта участь вполне может мне достаться в праведное наказание за мое постоянное чревоугодие, невоздержание в еде и лакомство, всегда, когда только бывает у меня к этому возможность...

Не писал Вам до сего дня ничего, в том расчете, что Вы мое большое письмо вскоре после отправки своей открытки... получили, из него все что надо про меня узнали, и что теперь не мне Вам еще писать, а остается только ждать чего-нибудь от Вас. Так я и ждал все время. Долго ничего от Вас не получая, удивился немножко этому, хотел на всякий случай написать Вам еще, и не дождавшись Вашего ответа на то мое постовое большое письмо, да не очень торопился с этим, все ожидая вперед чего-нибудь от Вас. Наконец вчера вот дождался Вашей открытки от 6 апреля и сегодня спешу Вам все объяснить. Очень, очень Вам благодарен за Ваши справки обо мне, доказывающие Ваше сочувствие к моему худейшему окаянству. Спаси Вас, Господи, и помилуй. Это письмо хочу послать заказным, чтобы оно не вздумало легко пропасть... Шлю свой искреннейший сердечный привет и от всей души молитвенно желаю всякой милости Божией. Спаси Вас Господи и помилуй всех, всех.

Многогрешный Викентий.

Едим с отцом Аифалом крапивную похлебку, это постоянная наша пища теперь, одну только и едим все время, с небольшой подправкой из муки или мятой картошки, а то и вместе и с той и с другой. Слава Богу за все! Аминь».

5 сентября 1935 года монаху Викентию было разрешено вернуться из ссылки в Козельск. Он поселился на квартире у одной из жительниц Козельска, но в мае 1936 года она умерла, дом ее отошел к горсовету и монаха Викентия из него выселили. Он был вынужден проситься на другую квартиру, где и поселился вместе с монахом Феодулом (Слепухиным), которому было тогда семьдесят пять лет.

Допрошенная впоследствии сотрудниками НКВД хозяйка дома сказала, что монах Викентий просился к ней на квартиру с молитвами и слезами, и она вынуждена была уступить его просьбам, вместе с ним пришел и монах Феодул. Невольно свидетельствуя о подвижнической жизни монаха Викентия, она показала, что он все время проводил в чтении, никуда не ходил, а целыми днями сидел в погребе и выходил оттуда только ночью и в ненастную погоду, что никогда она не видела, как и что он ест. Материально ему помогали монахини, живущие в Козельске. Иногда монах Викентий, как человек грамотный, писал кому-нибудь письма.

Но время подвига для всех, кто подражал преподобным, заканчивалось. 24 июля 1937 года монах Викентий был арестован и заключен в тюрьму районного отделения НКВД в Козельске, где тут же был допрошен. Как ни готовился монах Викентий к аресту, а все же тот оказался для него неожиданным, и поначалу он растерялся, как отвечать.

– Скажите, Никольский, какую контрреволюционную деятельность вы ведете среди населения, направленную против мероприятий советской власти? – спросил его следователь.

– Я контрреволюционную деятельность не проводил против советской власти. Я говорил в частной беседе... что нет хлеба и трудно достать... что раньше лучше было жить.

– Скажите, Никольский, вы признаете себя виновным, что вы проводили контрреволюционную агитацию среди верующих, выражали недовольство в частной беседе на дому у своей хозяйки?..

– Да, в этом я себя виновным признаю, что проводил контрреволюционную деятельность против советской власти и ее мероприятий.

Однако, на следующем допросе, 8 августа, он категорически отказался признавать себя виновным.

– Следствию известно, что вы среди мещан города Козельска ведете контрреволюционную агитацию, при этом распространяете провокационные слухи о войне и перевороте советской власти. Вы подтверждаете это? – спросил его следователь.

– Контрреволюционной агитации я не вел и провокационных слухов не распространял. Живя на квартире... совместно со Слепухиным... я бывало, придя из магазина, где, постоявши в очереди за покупкой хлеба, в беседе, в особенности со Слепухиным, который часто вспоминал жизнь при царском времени... что при царском времени продуктов было больше, дешевле и легче было их достать... а сейчас при советской власти достаточного количества продуктов нет и все дорого, и достать очень трудно, при этом приводил пример, что раньше при царизме канцелярских перьев, тетрадей и бумаги в магазинах было очень много, а сейчас, то есть при советской власти, с 1935 года я не могу купить одного пера и тетради, потому что их нет в магазинах. Такие разговоры у нас возникали в связи с нехваткой хлеба, продуктов и других предметов домашнего обихода. Среди верующих и мещан города Козельска я эти недовольства не высказывал.

– Следствию известно, что вы, живя на квартире... устраивали сборища монашек, через них проводили контрреволюционную агитацию среди колхозников, направленную против советской власти и ее мероприятий. Вы подтверждаете это?

– Сборищ монашек я... не собирал, но во время моей болезни ко мне на квартиру приходили монашки по имени Матрена и Акулина, фамилий их я не знаю, они мне помогали принести воды и купить что-либо из продуктов, разговоров с ними на политические темы я не вел, и вообще на политические темы я разговоров никаких никогда не вел. Этим вопросом не интересуюсь, занимаюсь исключительно чтением религиозных книг и хождением в церковь...

9 августа 1937 года было составлено обвинительное заключение, в котором следователь предложил тройке НКВД рассмотреть дело монаха Викентия по 1 категории, то есть приговорить его к расстрелу. 8 сентября 1937 года тройка НКВД приговорила монаха Викентия по 2 категории – к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. И все повторилось почти как при предыдущем аресте: сначала он был направлен в смоленскую тюрьму, а 29 сентября 1937 года – этапом в город Котлас и затем в Локчимлаг Архангельской области, ставший его последним местом подвигов и последним пристанищем. Монах Викентий (Никольский) скончался 11 декабря 1937 года в Локчимлаге и был погребен в неизвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Жития новомучеников и исповедников Оптиной пустыни». Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь. 2008 год. Стр. 139-152.